

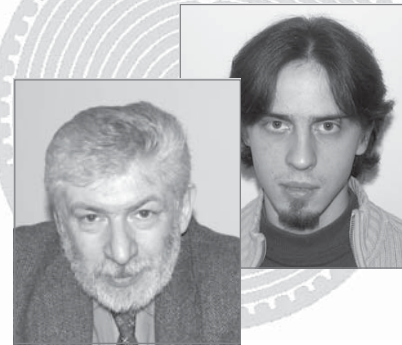
В.С. Собкин, Д.В. Адамчук

Особенности употребления алкоголя в подростковой среде*

Следует отметить, что представленные в статье материалы продолжают линию исследований, начатых нами около 15 лет назад. При этом важно отметить, что, несмотря на кардинальные объективные социально-экономические и культурные трансформации, субъективная оценка самой ситуации в подростковой среде стала, как это ни странно, более стабильной. Иными словами, «сознание работает» более инерционно, чем это может показаться на первый взгляд. Так, например, если мы сопоставим ответы старшеклассников о распространенности различных негативных явлений в подростковой среде (среди одноклассников и знакомых) в 1991 г. с ответами на те же вопросы в нашем исследовании 2002 г., то обнаружим высокую степень совпадений, причем порой до десятой доли процента. Так, например, «повышенную заболеваемость» в 1991 г. фиксировали 6,0% учащихся, а в 2002 г. — 5,2%; «наркоманию, токсикоманию» соответственно 0,9% и 1,1%; «курение» — 32,2% и 33,0%; «воровство» — 0,8% и 1,7%; «половую распущенность» — 2,6% и 3,9%. Подчеркнем, что это ответы подростков двух разных поколений. Если же мы соотнесем эти ответы с объективными данными госстатистики, то по целому ряду показателей ситуации 1991 и 2002 гг. будут различаться на порядок. Таким образом, «бытие» трансформируется стремительнее, чем сознание. И в то же время относительно других аспектов различия в ответах подростков весьма существенны. Укажем лишь одно: если на «употребление спиртных напитков», как на очень частое явление среди сверстников, в 1991 г. указывали 10,3%, то в 2002 г. таких ответов уже 17,5%. Эти различия статистически значимы на очень высоком уровне и фиксируют, что в самой подростковой среде произошел существенный сдвиг в оценке распространенности именно алкоголизма среди сверстников.

Для характеристики общего контекста важны также данные исследований ВОЗ по возрастной динамике употребления подростками алкоголя: если среди 11-летних подростков доля ежедневно употребляющих алкоголь составляет 5%, то среди 13-летних их число достигает 12%, а в подвыборке 15-летних таких уже 29%. При этом наиболее потребляемыми напитками являются пиво, а также различные слабоалкогольные коктейли, особенно

* Статья основана на материалах социологического опроса 2983 учащихся 7-х, 9-х и 11-х классов московских общеобразовательных школ. Исследование было проведено в рамках Комплексной программы РАО «Социология образования».

Владимир Самуилович Собкин — академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор. Директор Центра социологии образования Российской академии образования (ЦСО РАО).

Автор 14 монографий и более 300 публикаций по вопросам социологии образования, детской и возрастной психологии, психологии общения и психологии искусства. Ряд научных монографий и статей издан зарубежом (США, Франция, Австралия, Польша и др.). Редактор серии научных сборников «Труды по социологии образования» (издано 17 выпусков).

Дмитрий Владимирович Адамчук — в 2005 году закончил Московский государственный открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова и социально-психологический факультет Высшей гуманитарной школы им. Дубнова.

Соавтор 2 коллективных монографий, а также автор ряда статей в области психологии и социологии девиантного поведения и здорового образа жизни.

В настоящее время аспирант и научный сотрудник Центра социологии образования РАО и сотрудник МЦКО.

<http://www.socioedu.ru>

популярные среди девушек. По материалам исследования, пиво раз в неделю и чаще употребляют 2,4% 11-летних подростков, а среди 13-летних 6,7%, в то время как среди 15-летних — уже 18,5%. Число употребляющих крепкие спиртные напитки с возрастом также последовательно увеличивается: с 1,1% в подвыборке 11-летних до 11,1% среди 15-летних. Это обобщенные средние данные по всем странам, вошедшим в исследование. Если же говорить конкретно о результатах опроса российских подростков, то еженедельно крепкие спиртные напитки употребляют 0,5% 11-летних подростков, 2,9% 13-летних и 3,4% 15-летних. Зафиксированная в исследованиях ВОЗ возрастная динамика употребления алкоголя в целом схожа с нашими данными.

Заметим, что приведенные выше данные важны не только для оценки масштабов девиаций, связанных с рисками для здоровья в подростковой среде. Для нас они представляют интерес и собственно в методическом плане, поскольку задают определенные ориентиры, позволяющие оценить валидность результатов, которые мы здесь представляем. И в этой связи отметим, что, несмотря на различия в методах организации исследования и используемом нами инструментарии, в целом результаты оказываются во многом схожими.

В статье будут рассмотрены аспекты, связанные с *приобщенностью* школьников к употреблению алкоголя, *мотивацией* употребления ими спиртных напитков и *зависимостью* от алкоголя. Помимо этого, мы проанализируем мнения подростков об особенностях реакции родителей, одноклассников и учителей на употребление ими алкоголя. Особое внимание при анализе полученных данных будет уделено выявлению гендерных различий, возрастной динамике, влиянию социально-стратификационных факторов.

ПРИОБЩЕННОСТЬ ПОДРОСТКА К УПОТРЕБЛЕНИЮ АЛКОГОЛЯ

В ходе социологического опроса учащимся задавался вопрос об употреблении ими различных спиртных напитков: пива, сухого вина, крепленого вина, ликера, крепких спиртных напитков (водки, коньяка и др.). Помимо этого, предложенный вопрос давал возможность оценить и частоту употребления алкогольных напитков по шкале: «раз в неделю и чаще», «один-два раза в месяц»; «никогда». Таким образом, данный вопрос позволяет зафиксировать как вид, так и частоту употребления соответствующих алкогольных напитков.

Полученные материалы показывают, что водку, коньяк и другие крепкие спиртные напитки «никогда не употребляют» 78,8% подростков, ликер — 83,1%, креп-

леное вино — 79,0%, сухое вино — 53,4% и, наконец, пиво — 40,7%.

Доля учащихся *систематически* («один раз в неделю и чаще») употребляющих крепкие спиртные напитки (водка, коньяк и т.д.) составляет 2,9%. При этом она возрастает с 1,2% в 7 классе до 3,9% в 9 и остается на том же уровне в 11 классе. Несмотря на относительно небольшую процентную величину, серьезность сложившейся ситуации с алкоголизацией подростков в старшем школьном возрасте можно проиллюстрировать следующим образом. Так, 3,9% означает, что каждые четыре подростка из ста в старшем звене школы «раз в неделю и чаще» употребляют водку и другие крепкие спиртные напитки. Если же мы примем во внимание, что, как правило, численность учащихся в классе составляет около 25 человек, то можно сделать вывод о том, что в среднем практически в каждом классе есть один подросток, систематически употребляющий крепкие спиртные напитки.

Что же касается пива, то количество подростков, употребляющих его систематически («раз в неделю и чаще»), последовательно возрастает от 7 к 11 классу. Если в 7 классе таких 7,4%, то в 9-ом их доля увеличивается до 22,9%, а в 11 классе достигает 29,9% ($p=0,0006$). В связи с этим следует обратить внимание на то, что, по мнению наркологов, употребление пива не менее опасно, чем употребление водки, тем более, когда речь идет об организме подростка. Помимо этилового спирта, пиво также содержит хмель, который является источником фитогэстрогенов и ряд психоактивных веществ, оказывающих седативное, а в больших дозах и галлюциногенное влияние. Кроме того, употребление пива провоцирует также и употребление более крепких спиртных напитков.

Обсуждая проблему систематического потребления пива, необходимо заметить, что здесь четко прослеживаются гендерные различия: среди девушек «раз в неделю и чаще» пиво пьют 15,2%, а среди юношей таких уже каждый четвертый — 24,0%. Возрастная динамика изменения числа систематически употребляющих пиво юношей и девушек приведена на рисунке 1.

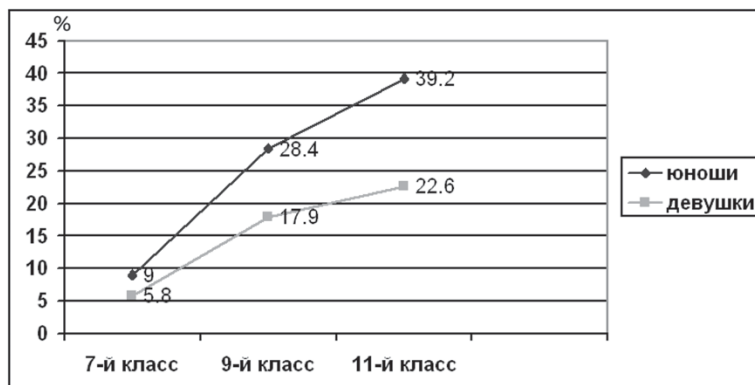

Рис. 1. Возрастная динамика изменения доли юношей и девушек, активно («раз в неделю и чаще») употребляющих пиво (%)

Как мы видим, явный рост активного приобщения к употреблению пива как среди юношей, так и среди девушек происходит на рубеже 7 и 9 классов. На рисунке также видно, что доля систематически употребляющих пиво юношей в 9 и 11 классе существенно выше, чем девушек. Для более трети юношей-одинадцатиклассников (39,2%) употребление пива уже прочно вошло в стиль их повседневного поведения.

И, наконец, оценивая распространенность употребления подростками спиртных напитков, следует затронуть также вопрос о «доступности». В частности, полученные нами материалы показывают, что, несмотря на законодательные ограничения на продажу спиртных напитков лицам, не достигшим 21 года, 62,2% школьников (из тех, кто употребляет спиртные напитки) отметили, что в течение учебного года они ни разу не сталкивались со случаями отказа им в продаже спиртного. Поразительно, что даже среди семиклассников, которых по уровню физического развития никак нельзя отнести к «лицам, достигшим 21 года», 54,7% указали, что «не встречались с фактами отказа продажи им спиртных напитков». Иными словами, магазины (ларьки и палатки), торгующие крепкими спиртными напитками, готовы обслужить юного покупателя.

МОТИВАЦИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ КРЕПКИХ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ

Ответы на вопрос о мотивах употребления крепких спиртных напитков приведены в таблице 1.

Как видно из приведенных в таблице данных, наиболее часто подростки указывают на то, что причиной употребления крепких спиртных напитков для них является «желание снять напряжение, стресс» (57,2%). Отмечают, что «алкоголь облегчает для них

общение со сверстниками» 27,3% подростков. Принимая во внимание, что 25,1% учащихся ссылаются на то, что «употребление алкоголя принято среди их друзей», можно сделать вывод об особой социальной значимости употребления алкоголя в подростковой субкультуре. По-видимому, здесь играет особую роль стремление подростка занять социально-статусную позицию, усиливающую его авторитет среди сверстников. Это также подтверждается тем, что 18,9% школьников указывают на «престижность употребления алкоголя».

Необходимо также обратить внимание на тех подростков, кто сам причисляет себя к «группе риска», указывая, что «втянулся и не может бросить». Их доля составляет 6,5%. Помимо этого, отметим, что доля тех, кто мотивирует употребление алкоголя получением позитивных эмоциональных состояний («получить удовольствие») составляет 11,0%.

Хотя в целом структура мотивации употребления крепких спиртных напитков у юношей и девушек схожа, в возрастной динамике изменения значимости отдельных мотивов обнаруживаются заметные различия. Так, например, если у юношей значимость мотива употребления алкоголя «облегчает общение со сверстниками» практически не меняется с возрастом (40,0% в 7 классе и 37,6% в 11-м), то среди девушек его роль последовательно снижается (28,6% — в 7 классе, 23,4% — в 9-м, и 13,4% — в 11-м). Иными словами, если для юношей мотив употребления крепких спиртных напитков для поддержания общения со сверстниками устойчиво сохраняет свою значимость на всем протяжении подросткового и старшего школьного возраста, то для девушек он с возрастом становится все менее значим. Другой мотив, относительно значимости которого обнаруживается явно противоположная возрастная тенденция, связан с протестным поведением: «употребляю потому, что мне запрещают». Возрастная динамика изменения значимости данного мотива у юношей и девушек приведена на рисунке 2 (см. следующую страницу).

Если у девушек употребление алкоголя с возрастом все чаще мотивируется реакцией на ограничения взрослых, то у юношей значимость подобной мотивации последовательно снижается. Иными словами, конфликт со взрослым окружением, который переживается мальчиками в младшем подростковом возрасте, у девочек проявляется значительно позднее, на этапе окончания школы.

В целом мы можем сделать вывод о разных линиях, определяющих возрастную динамику изменения мотивации употребления крепких спиртных напитков у юношей и у девушек: для юношей повышение значимости микросоциального окружения, и желание повысить свой возрастной статус; у девушек — актуализация протестного поведения на запреты и ограничения взрослых. В этой связи заметим, что девушки на этапе окончания школы

Таблица 1. Основные мотивы употребления крепких спиртных напитков подростками (%)

Мотивы	%
Я испытываю удовольствие от алкоголя	11,0
Алкоголь облегчает мое общение со сверстниками	27,3
Употребление алкоголя, на мой взгляд, престижно	18,9
Алкоголь помогает мне снять напряжение, стресс	57,2
Употребление алкоголя позволяет выглядеть старше своего возраста	2,9
Алкоголь употребляют мои друзья	25,1
Потому что мне запрещают употреблять алкоголь	3,3
Не хочу, чтобы думали, что мне «слабо»	1,8
Втянулся, не могу бросить	6,5
Алкоголь помогает мне уйти от реальности	12,2

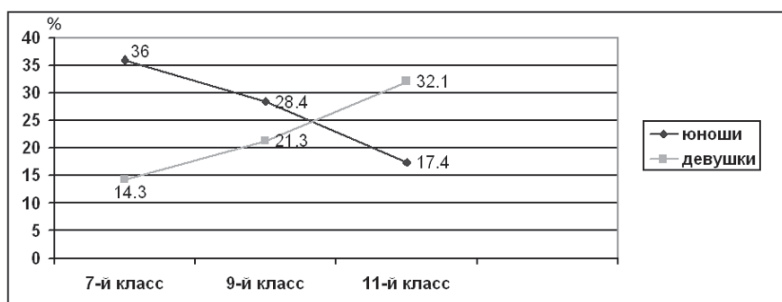

Рис. 2. Возрастная динамика изменения значимости протестной мотивации употребления водки и других крепких спиртных напитков («Употребляю, потому что мне запрещают») среди юношей и девушек (%)

склонны обуславливать употребление алкоголя мотивами, которые используют юноши на более ранних возрастных этапах.

Наряду с мотивацией употребления алкоголя, важно также рассмотреть и мотивы поведения тех школьников, которые отказывается от употребления спиртных напитков. С этой целью мы выделили специальную подвыборку респондентов, не употребляющих алкоголь. Их ответы на вопрос: «Почему Вы не употребляете водку и другие спиртные напитки?» приведены в таблице 2.

Как видно из приведенных в таблице данных, большинство школьников (60,5%) ответили, что у них «просто не возникает такой потребности». Вторым по популярности является вариант ответа «Это вредно для здоровья» — 51,0%. Помимо отмеченных, достаточно значимы следующие мотивы: «Видел плохие примеры» (24,5%), «Не доставит удовольствия» (19,2%), «Алкоголь вызывает неприятные ощущения» (17,0%), «Боязнь алкогольной зависимости» (14,4%). Таким образом, существенное место в ряду мотивов, которыми аргументируется отказ от употребления алкоголя, занимают мотивы, связанные с физиологическими состояниями опьянения («Неприятные ощущения», «Не доставит удовольствия», «Боязнь алкогольной зависимости»). Остальные же мотивы, обуславливающие отказ, выражены слабо.

Анализ гендерных различий показывает, что девушки, по сравнению с юношами, чаще указывают следующие мотивы: «Вредно для здоровья» (соответственно: 53,8% и 47,2%, $p=0,001$), «Не доставит удовольствия» (соответственно: 22,4% и 15,0%, $p=0,00001$) и «испортит внешность и фигуру» (соответственно: 9,9% и 5,5%, $p=0,001$). Юноши же чаще ссылаются на то, что они «боятся алкогольной зависимости» (соответственно: 17,8% и 11,6%, $p=0,0001$). С возрастом как у юношей, так и у девушек снижается доля тех, кто аргументирует свой отказ «боязнью алкогольной зависимости». Параллельно с этим от 7 к 11 классу

несколько увеличивается число юношей и девушек, указывающих на то, что они не употребляют алкоголь, поскольку это просто «не доставит им удовольствия». Подобная динамика позволяет сделать вывод о том, что по мере взросления среди не употребляющих алкоголь подростков снижается значимость внешней мотивации, и они переориентируются на внутренние мотивы, выстраивая систему аргументов, обуславливающих их отказ от употребления алкоголя. Центральным моментом здесь оказывается именно ориентация на эмоциональное самочувствие, когда употребление алкоголя связывается с негативными эмоциональными состояниями.

Следует подчеркнуть, что на мотивировки, связанные с отказом от употребления алкоголя, влияют и социально-стратификационные факторы. Так, например, дети из низкообеспеченных семей существенно чаще по сравнению с подростками из семей высокообеспеченных аргументируют свой отказ от употребления алкоголя тем, что они «видели плохие примеры» (в низкообеспеченном слое таких — 38,5%, в среднеобеспеченном — 24,5 %, в высокообеспеченном — 19,7%, $p=0,003$). Сам по себе этот факт, на наш взгляд, крайне важен, поскольку косвенно свидетель-

Таблица 2. Значимость мотивов, обуславливающих отказ подростков от употребления алкоголя (% от числа школьников, не употребляющих алкоголь)

Мотивы	%
У меня просто нет такой потребности	60,5
Видел(а) плохие примеры	24,5
Из-за болезни	2,1
Нет денег	1,0
Это вызывает у меня неприятные ощущения	17,0
Боюсь зависимости от алкоголя	14,4
Боюсь, что не смогу контролировать себя, когда выпью	8,3
Алкоголь может испортить внешность и фигуру	7,9
Это вредно для здоровья	51,0
Мне запрещают употреблять водку	4,0
Думаю, что это не доставит мне удовольствия	19,2
Употреблять водку и другие крепкие напитки не принято среди моих друзей	3,0
Не хочу быть похожим(ей) на других	8,8
Чтобы не думали, что мне слабо	0,3

ствует о том, что в низкообеспеченном слое алкоголизм более распространен. Несколько иначе проявляет свое влияние уровень образования родителей. Подростки, чьи родители имеют высшее образование, чаще, чем школьники, чьи родители получили только среднее образование, мотивируют свой отказ от употребления спиртных напитков следующими причинами: «алкоголь оказывает вредное влияние на здоровье» (соответственно: 48,9% и 27,0%, $p=0,00001$); «употребление алкоголя не доставит удовольствия» (соответственно: 19,6% и 10,4%, $p=0,00001$). Таким образом, подростки, родители которых имеют высшее образование, сориентированы на охранительную, самосохранительную стратегию поведения в отношении употребления алкоголя. Для подростков же из семей с невысоким образовательным статусом родителей более характерна ориентация на внешнюю мотивацию: либо запреты, либо негативный опыт пьянства в ближайшем социальном окружении.

Как мы уже отметили, одним из доминирующих мотивов отказа от употребления водки и других крепких спиртных напитков является «опасность для здоровья». В связи с этим мы задавали подросткам еще один вопрос, где просили их оценить по семибалльной шкале то, «насколько вредное воздействие оказывает алкоголь на здоровье» (1 — «совершенно не вредное»; 7 — «очень вредное»). Сравнение ответов школьников, употребляющих и не употребляющих крепкие спиртные напитки, показывает, что среди тех, кто не употребляет крепких спиртных напитков, оценку вреда алкоголя для здоровья в 7 баллов дали 42,6%, а среди употребляющих лишь 13,4% ($p=0,00001$). Это позволяет сделать вывод о том, что именно низкая ориентация на ценность здоровья, отсутствие понимания влияния алкоголя на здоровье является одним из существенных факторов приобщения подростков к употреблению крепких спиртных напитков. Иными словами, подростки, употребляющие крепкие спиртные напитки, «не чувствуют опасности» употребления алкоголя, и здоровье не выступает для них как ценность.

Помимо рассмотренных вопросов, для выявления особенностей отношения подростков к употреблению алкоголя особый интерес представляет их отношение к людям, страдающим алкоголизмом. В связи с этим сошлемся на данные других исследований, в которых мы задавали респондентам специальный вопрос об отношении к таким людям (*Собкин, Абросимова, Адамчук, Баранова, 2003*). Полученные в ходе этого опроса материалы показывают, что около половины подростков (47,8%) считают, что люди, страдающие алкоголизмом, «нуждаются в помощи и поддержке». Каждый пятый (21,3%) полагает, что «таких людей надо отправлять на принудительное лечение». Резко негативное отношение к алкоголикам высказали 5,2% учащихся, указав, что «такие люди опасны для окружающих и их надо изолировать от общества». «Презирает» таких людей каждый десятый (10,0%). И, наконец, считают, что алкоголики «ничем не отличаются от других людей», 2,8% опрошенных.

Весьма существенные различия обнаружены при сравнении ответов учащихся, «часто» употребляющих крепкие спиртные напитки (один-два раза в неделю и чаще) и «не употребляющих их вообще». Так, среди подростков, склонных к частому употреблению алкоголя, заметно выше доля тех, кто считает, что алкоголики «ничем не отличаются от остальных людей» (соответственно: 15,8% и 1,8%, $p=0,0001$). На наш взгляд, этот факт принципиален, поскольку он свидетельствует о том, что по мере приобщения к алкоголю меняется не только отношение к запретным нормам, но происходят и структурные изменения в представлении о самом социальном типе личности человека, зависящего от алкоголя. Он рассматривается как «обычный человек, ничем не отличающийся от других». Это подтверждается также и тем, что подростки, приобщенные к частому употреблению алкоголя, существенно реже считают, что «алкоголиков надо отправлять на принудительное лечение» — 13,2% (среди неупотребляющих алкоголь — 21,1%, $p=0,05$). Таким образом, по мере приобщения подростков к алкоголю мы можем фиксировать у них не только тенденцию к идентификации себя с людьми, страдающими алкоголизмом («Это обычные люди»), но и тенденцию к проявлению защитной, оборонительной реакции — «Эти люди не нуждаются в принудительном лечении».

АЛКОГОЛЬНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

Как мы отметили выше, мотивируя свой отказ употребления алкоголя, каждый шестой из опрошенных школьников (17,0%) указывает на боязнь алкогольной зависимости. Напомним также, что среди тех, кто употребляет алкоголь, фиксируют у себя алкогольную зависимость («Втянулся и не могу бросить») 1,8%. Причем в 11-м классе среди юношей таких уже 3,2%. Поскольку тема алкоголизации подростков весьма актуальна, в ходе социологического опроса мы попытались рассмотреть ее более детально. С этой целью подросткам был задан специальный вопрос: «Чувствуете ли Вы свою зависимость от алкоголя?» Полученные материалы показывают, что из тех, кто употребляет спиртные напитки, 5,1% чувствуют алкогольную зависимость. Это достаточно высокий процент, который фиксирует явное неблагополучие, сложившееся в подростковой субкультуре. Однако для проведения корректного статистического анализа сама выборка оказывается явно недостаточной, и в этой связи невозможно провести анализ гендерных и возрастных различий, а также выявить влияние социально-стратификационных факторов. Подобное исследование возможно лишь на основе специального опроса подростков, страдающих алкогольной зависимостью. Поэтому в рамках данного социологического исследования был выбран иной путь анализа алкогольной зависимости. Как и в ситуации исследования курения, мы задали школьникам аналогичный вопрос об эмоциональных состояниях, которые возникают при от-

сутствии возможности употребления алкогольных напитков. Это косвенный вопрос, который позволяет выяснить предрасположенность подростков к алкогольной зависимости. Полученные материалы показывают, что 78,9% учащихся не фиксируют у себя каких-либо особых эмоциональных состояний в случае отсутствия возможности употребления алкогольных напитков. Остальные же, — и таких уже каждый пятый (21,1%), — фиксируют у себя возникновение тех или иных негативных эмоциональных состояний. Причем наряду с доминирующим состоянием «скуки» (12,5%), фиксируются явно выраженные негативные состояния: «агрессия», «злость», «раздражение», «напряжение». Важно отметить также и то, что при отсутствии возможности употребления алкоголя, другая часть подростков указывает и на такие состояния, как «недовольство собой», «неуверенность в себе», «тревожность». Иными словами, для них употребление спиртных напитков является своеобразной формой компенсации личностных конфликтных состояний.

РЕАКЦИЯ РОДИТЕЛЕЙ НА УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ПОДРОСТКАМИ

Как и при анализе ситуации с курением, в ходе социологического опроса мы выясняли у подростков отношение их родителей к употреблению алкоголя. При этом задавались два вопроса. Один из них связан с информированностью родителей об употреблении алкоголя их детьми, другой касался поведенческих аспектов — нас, в частности, интересовало, откуда подростки берут деньги на приобретение спиртных напитков.

Ответы подростков на вопрос о том, знают ли их родители, что они употребляют алкоголь, показывают, что каждый четвертый подросток (25,8%) из тех респондентов, которые употребляют спиртное, «скрывает от своих родителей факт употребления им алкоголя». Каждый пятый (21,5%) фиксирует, что «родители

знают об употреблении алкоголя, и на этой почве у них возникают конфликты». Более трети школьников указывает на то, что «родители относятся терпимо к употреблению ими алкоголя» (35,6%). И, наконец, незначительное число подростков (1,9%) фиксирует явное устранение своих родителей от проблемы употребления ими спиртных напитков: «их это вообще не интересует». Помимо этого, следует также добавить, что 16,0% подростков либо «затруднились с ответом», либо «не знают», как реагируют их родители. Иными словами, примерно каждый шестой подросток находится в ситуации «нормативной неопределенности» относительно реакции родителей на проявления девиации в его поведении.

Особый интерес представляет анализ возрастной динамики ответов школьников на данный вопрос (см. рисунок 3).

Как видно из приведенных на рисунке данных, по мере взросления ребенка происходят своеобразные изменения отношений подростка с родителями по поводу употребления алкоголя. Причем характерно, что если относительно конфликтных взаимодействий, выраженная возрастная динамика отсутствует, то относительно двух других тактик («сокрытия» и «терпимого отношения родителей») динамика явно выражена. С возрастом существенно снижается (как у юношей, так и у девушек) доля тех, кто скрывает от родителей факты употребления алкоголя (у юношей в 7 классе 46,7%, в 11-м 17,9%, $p=0,0007$; у девушек соответственно: 62,5% и 13,4%, $p=0,00001$). Параллельно резко увеличивается доля тех, кто отмечает, что их родители «относятся терпимо» к употреблению ими алкоголя (у юношей таких в 7 классе 16,7%, в 11-м 41,7%, $p=0,01$; у девушек соответственно: 12,5% и 45,1%, $p=0,01$). Таким образом, мы видим, что по мере взросления, при переходе от подросткового возраста к юношескому, школьники оценивают позицию своих родителей, как более лояльную относительно употреб-

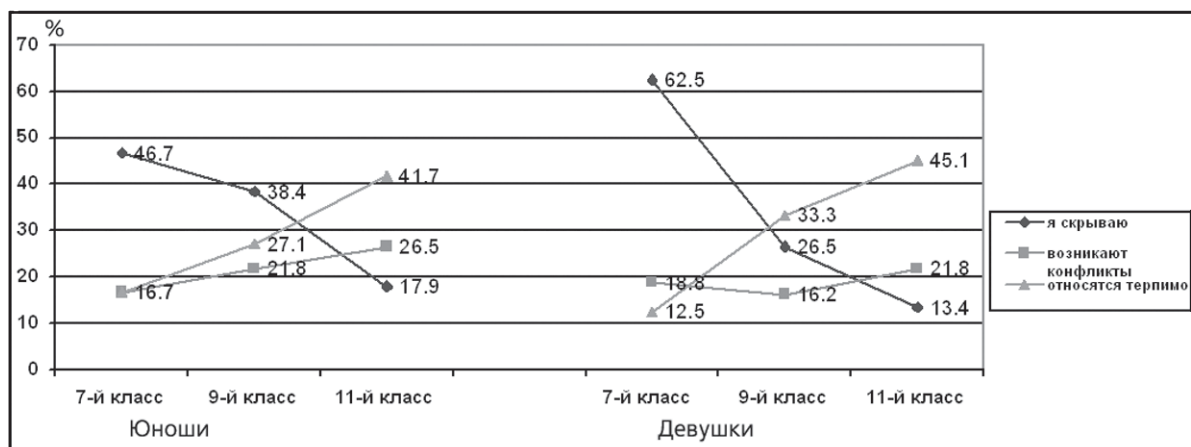

Рис. 3. Возрастная динамика взаимоотношений юношей и девушек со своими родителями по поводу употребления алкоголя (% от подростков, употребляющих алкоголь)

ления алкоголя детьми. При этом подчеркнем, что подобная лояльность проявляется в равной степени как к юношам, так и к девушкам.

Помимо возрастной динамики, проявляется влияние образовательного статуса родителей. Так, подростки, чьи родители имеют высшее образование, менее склонны скрывать от своих родителей факты употребления алкоголя, чем их сверстники, родители которых имеют среднее образование (соответственно: 20,6% и 30,8%, $p=0,03$). Это косвенно свидетельствует о том, что в семьях с более высоким образовательным статусом ситуация взаимоотношений «ребенок — родитель» по поводу употребления ребенком алкоголя более открыта.

Относительно же других социально-стратификационных факторов (материального положения и состава семьи) каких-либо различий не обнаружено. В этой связи можно предположить, что существенное влияние оказывают не столько социально-стратификационные факторы, сколько факт употребления алкоголя самими родителями. В связи с этим в ходе опроса мы задавали респондентам вопрос об употреблении их родителями крепких спиртных напитков. Полученные данные свидетельствуют о том, что подавляющее большинство учащихся общеобразовательных школ (79,8%) указывают на то, что их родители «не увлекаются» употреблением крепких спиртных напитков («Употребляют крепкие спиртные напитки по праздникам, в гостях»). Наряду с этим 12,5% подростков фиксируют, что их родители «принципиально не употребляют крепких спиртных напитков». Остальные же зафиксировали явное пристрастие своих родителей к употреблению крепких спиртных напитков. Так 6,1% отметили, что отец «очень часто употребляет крепкие спиртные напитки» (пристрастие к алкоголю у своей матери отметили 0,8%). Помимо этого, 0,9% подростков указали, что оба родителя «очень часто» употребляют крепкие спиртные напитки. Таким образом, 7,8% учащихся общеобразовательных школ (а это каждый тринадцатый) зафиксировали повышенное пристрастие либо одного, либо обоих родителей к алкоголю. Иными словами, мы можем сделать вывод о том, что сегодня в среднем в каждом классе два ученика являются теми, у кого в семье сложилась неблагоприятная ситуация с алкоголем. Сравнение ответов учащихся, чьи родители часто употребляют крепкие спиртные напитки, и тех, чьи родители принципиально отказываются от употребления алкоголя, показывает, что здесь не проявляются столь явные различия в детско-родительских отношениях, наличие которых можно было бы предположить. Стоит лишь отметить, что подростки, чьи родители не употребляют алкоголь, чаще склонны прибегать к стратегии «сокрытия» фактов употребления ими алкоголя. Среди них таких 28,0%, а среди детей, чьи родители часто употребляют алкоголь, стратегии «сокрытия» придерживается заметно меньшее число — 20,5%. Помимо этого, дети, чьи родители часто употребляют спиртные напитки, более склонны указывать на то, что

родители «безразличны» к фактам употребления алкоголя ребенком — 6,3% (среди тех, чьи родители не употребляют алкоголь таких 2,2%).

Особый интерес представляет вопрос о том, откуда учащиеся берут деньги на приобретение спиртных напитков. Большинство употребляющих алкоголь подростков указывает на то, что «это деньги, которые дают им родители и родственники на личные расходы». Доля таких ответов составляет 67,9%. Иными словами, это средства, образующиеся «из экономии». Помимо этого, 2,9% указали, что «сами родители и другие родственники дают им деньги на приобретение алкоголя». Наконец, 1,7% отметили, что они «берут деньги у родителей и родственников без их ведома». Если отойти от «литературной формулировки» предложенного варианта ответа, то можно сказать проще — «воруют». Таким образом, мы видим, что основные деньги, которые расходуются подростками на приобретение спиртных напитков, — это деньги из «семейного бюджета». И в связи с этим важно подчеркнуть, что современная ситуация семейного воспитания не осмысливается с точки зрения *культуры экономического поведения ребенка*. Трата выделенных ребенку родителями денег на его личные расходы в большинстве случаев практически никак не контролируется взрослым. В этом смысле подросток, условно говоря, «экономически самостоятелен». Он, по мнению родителей, уже достаточно самостоятелен в трате своих денег, и контролировать его уже не нужно. Однако, как мы видим, подобная стратегия далеко не всегда оправдана.

В этой связи заметим, что приобщение к алкоголю ведет и к переходу от девиантного поведения к делинквентному — дети начинают воровать деньги у своих родителей и родственников, что в принципе деформирует систему межличностных отношений в семье. И здесь, подчеркнем, сама семья становится объектом делинквентного поведения подростка. Именно в своем ближайшем окружении он выходит за рамки поведения, соответствующего нормам закона. Понятно, что в семье ситуация достаточно мягкая и обусловлена межличностными, родственными связями: в семье факт воровства простят, он не рассматривается как нарушение юридической нормы, это скорее конфликт на межличностном уровне. Однако подобная ситуация в социальном отношении может рассматриваться, как генетически исходная предпосылка для последующих рецидивов в социальных ситуациях, выходящих за рамки семьи.

Помимо перечисленных выше источников получения средств для приобретения спиртных напитков, подростки указывают и на то, что они «выпивают за чужой счет». Доля таких составляет 14,4%. Характерно, что на это существенно чаще указывают девушки, чем юноши, соответственно: 18,0% и 11,5%, ($p=0,04$). Этот момент достаточно важен, поскольку фиксирует своеобразную проекцию в подростковую культуру традиционалистской модели полоролевых взаимоотноше-

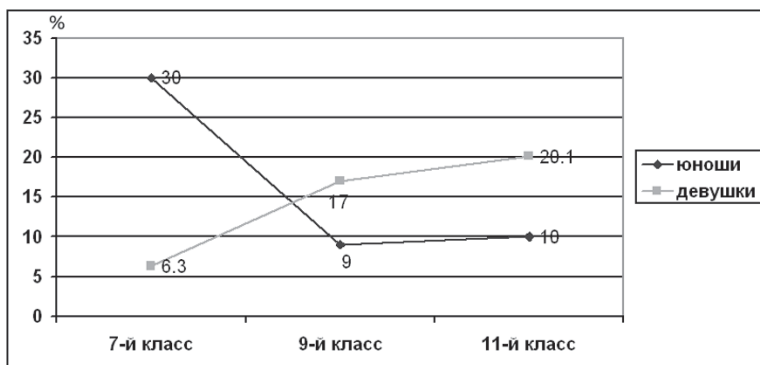

Рис. 4. Возрастная динамика доли юношей и девушек, «пьющих за чужой счет» (% от числа употребляющих крепкие спиртные напитки)

ний мужчины и женщины, когда мужчина включает в свою стратегию поведения с женщиной подобные «расходы». Однако ситуация выглядит гораздо более сложно, если мы обратимся к возрастной динамике (рисунок 4).

Как мы видим, возрастные тенденции у юношей и девушек прямо противоположны. Если среди мальчиков в 7 классе каждый третий «пьет за чужой счет», то на рубеже 7 и 9 классов, число таких резко сокращается. Иными словами, можно предположить, что приобщение к употреблению спиртных напитков в 7 классе начинается с приобщения к компании более старших подростков, у которых уже есть достаточные личные средства. В 9 же классе, по-видимому, перестраивается стратегия экономического поведения родителей по отношению к собственному ребенку, и он уже может «экономить» деньги из тех, которые дают ему родители на личные расходы. У девочек же в 7 классе доля пьющих за чужой счет сравнительно невысока — 6,3%, но с переходом в старшее звено школы (в 9 класс) среди них число таких резко увеличивается. Таким образом, можно сделать вывод о том, что коллизии, связанные с поиском полоролевой идентичности, происходящие именно на возрастном рубеже 9 класса, своеобразным образом проецируются на формирование мужской и женской тактик поведения относительно употребления спиртных напитков. Юноша-девятиклассник, принимая мужскую стратегию поведения, считает себя экономически независимым, и, соответствуя этой позиции, «должен угощать». Девушка-девятиклассница, также принимая полоролевую женскую модель, принимает и соответствующую тактику поведения в отношении спиртных напитков. Иными словами, здесь мы обнаруживаем своеобразную проекцию и трансляцию полоролевых моделей поведения взрослых в подростковую субкультуру. При этом подчеркнем, что апробация собственной «взрослости» происходит на внешних атрибутах женского и мужского поведения, которые, проецируясь в подростковый возраст, раз-

ворачиваются здесь, как формы девиантного поведения.

УПОТРЕБЛЕНИЕ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ ПОДРОСТКАМИ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ШКОЛЫ

Отвечая на вопрос об употреблении алкоголя на территории школы, половина (45,8%) респондентов из тех, кто вообще употребляет спиртные напитки, ответили утвердительно, выбрав вариант ответа: «Либо я, либо мои одноклассники употребляют алкоголь на территории школы». Стоит также обратить внимание на возрастную динамику (рисунок 5).

Как видно из рисунка, от 7 к 11 классу последовательно увеличивается число подростков, фиксирующих употребление алкоголя в школе. При этом, если у юношей заметный сдвиг происходит на рубеже 7 и 9 класса (соответственно: 30,0% и 51,5%, $p=0,03$), то у девушек он проявляется на рубеже 9 и 11 класса (с 36,5% до 49,7%, $p=0,03$). Это дает основание сделать вывод о том, что юноши гораздо раньше начинают нарушать запретительные нормы на употребление алкоголя в школе.

Анализ мнений учащихся о реакции одноклассников на употребление алкоголя в школе показывает лояльное отношение сверстников. Так, каждый второй (50,4%) отмечает, что его одноклассники «считают вполне нормальным употребление ими спиртных напитков»; треть из тех, кто употребляет алкоголь (30,4%), указывает, что одноклассники относятся к этому безразлично («Им все равно»). Анализируя другие варианты ответов, важно также подчеркнуть, что определенная часть подростков (8,0%) фиксирует положительное отношение одноклассников к употреблению ими алкоголя («Одобрят»). На негативную же реакцию со стороны одноклассников («Осуждают») ссылаются лишь немногие (1,4%). И, наконец, 1,2% отметили, что они предпочитают «скрывать» факт употребления алкоголя.

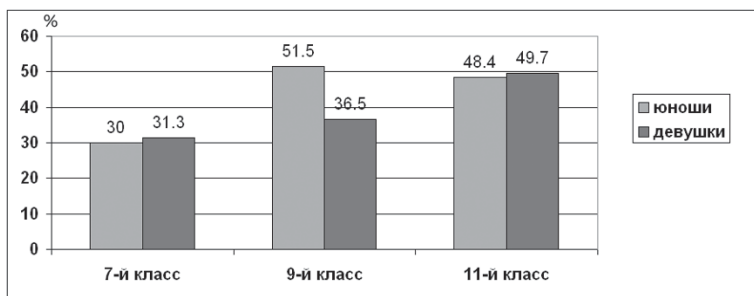

Рис. 5. Возрастная динамика юношей и девушек, употребляющих алкоголь на территории школы (% от числа учащихся, употребляющих спиртные напитки)

Достаточно характерна возрастная динамика изменения ответов, которая в целом сходна у юношей и у девушек. Так, с возрастом от 7 к 11 классу последовательно увеличивается доля ответов, фиксирующих, что одноклассники относятся «нормально» к употреблению алкоголя: в 7 классе — 39,1%, в 9-м — 47,6%, в 11-м — 54,8% (различия между 7 и 11 классом значимы на уровне 0,004). Параллельно на рубеже 9 класса резко снижается число тех, кто «скрывает» от своих одноклассников употребление алкоголя. Таким образом, можно сделать вывод о том, что среда одноклассников с возрастом становится все более лояльной к факту употребления алкоголя.

Рассмотрим мнения учащихся о своих взаимоотношениях с учителями по поводу употребления алкоголя. Полученные данные показывают, что треть подростков стремится всячески «скрыть от своих учителей факты употребления ими алкогольных напитков». Относительно небольшой процент из тех, кто употребляет алкоголь, указывает, что учителя «знают, и на этой почве возникают конфликты». Причем среди юношей доля таких ответов заметно выше, чем среди девушек (соответственно: 10,1% и 2,9%, $p=0,0007$). Каждый шестой фиксирует либо «терпимую», либо «безразличную» позицию учителей, соответственно: 18,1% и 18,9%.

Особый интерес представляет возрастная динамика, которая проявилась относительно двух вариантов ответов: тактики сокрытия и терпимого отношения учителей (рисунок 6).

Как мы видим, у юношей и девушек тенденции схожи. С возрастом от 7 к 11 классу резко снижается доля скрывающих от учителей факты употребления спиртных напитков. Параллельно увеличивается доля тех, кто отмечает, что учителя «терпимо относятся» к употреблению ими алкоголя. Наиболее заметный сдвиг в изменении этих двух тактик во взаимоотношениях «учитель—ученик» происходит на рубеже 9 класса. По сути дела, мы здесь фиксируем ту же тенденцию, что и при анализе особенностей отношений по поводу курения: по мере взросления учащихся учителя стано-

Таблица 3. Ответы подростков на вопрос о том, как реагируют учителя на употребление подростками спиртных напитков на территории школы (%).

	%
Делают вид, что не замечают	12,7
Делают замечания	21,6
Вызывают родителей	20,7
Устраивают классное собрание	2,1
Отчитывают перед всем классом	3,0
Отправляют к директору	10,1
Вызывают на педсовет	4,4
Вызывают на совет школы	1,6
Снижают оценки по своему предмету	0,2
Могут исключить из школы	19,7
Могут сообщить инспектору по делам несовершеннолетних	3,9

вятся более терпимыми к девиантным формам поведения в среде своих воспитанников.

И, наконец, рассмотрим мнение школьников об особенностях поведения учителей при их столкновении непосредственно с фактами употребления спиртных напитков учащимися на территории школы (таблица 3).

Как видно из приведенных в таблице данных, каждый девятый подросток (12,7%) указывает на то, что, даже сталкиваясь с фактом употребления алкоголя непосредственно на территории самой школы, учителя предпочитают самоустраниться: «делают вид, что не замечают». Среди наиболее распространенных форм поведения указывается такие как: «замечания», «вызов родителей», «вызов к директору». Характерно, что, как и в случае с курением на территории шко-

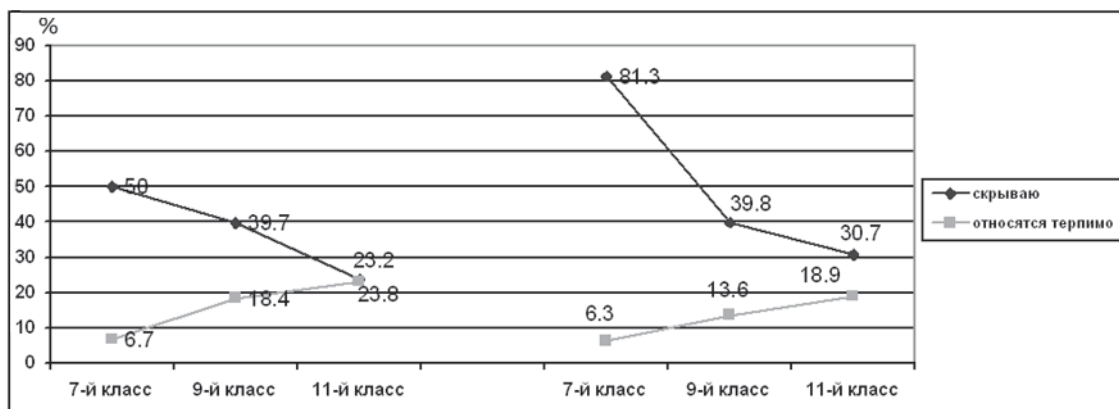

Рис. 6. Возрастная динамика изменения отношений школьников с учителями по поводу употребления алкоголя (% от учащихся, употребляющих алкоголь)

лы, учителя в основном применяют административные меры воздействия, не используя социальные возможности детского коллектива для коррекции данной формы девиантного поведения. Более того, проведенный нами сравнительный анализ ответов юношей и девушек, учащихся различных возрастных групп, а также детей, принадлежащих к разным социальным стратам, не выявил каких-либо значимых различий. Это позволяет сделать вывод о том, что среди учителей сложился достаточно устойчивый стереотип поведения при столкновении с проявлениями девиантных форм поведения учеников в школе.

* * *

Обобщая полученные данные, выделим следующие основные, на наш взгляд, моменты.

1) На возрастном рубеже, связанном с окончанием средней школы, среди школьников резко увеличивается число тех, кто склонен к регулярному употреблению пива и крепких спиртных напитков. В целом ситуация характеризуется высоким уровнем алкоголизации школьной молодежи. Как показывают полученные нами данные, в среднем и старшем звене школы в классе есть по меньшей мере один учащийся, употребляющий водку и другие крепкие спиртные напитки раз в неделю и чаще. Более того, в школьном возрасте группа учащихся, фиксирующих у себя алкогольную зависимость, уже достаточно велика. Подобная зависимость, с одной стороны, сопровождается комплексом негативных эмоций, связанных с агрессивными реакциями, и в этом отношении совершенно не случайна связь алкоголизации подростка с противоправными действиями. С другой — зависимость подростка от алкоголя проявляется в личностных деформациях, связанных с состояниями неуверенности, тревожности и др., что позволяет сделать вывод о том, что для этой группы школьников употребление алкоголя выступает как психотехническое средство для снятия напряжения. Более того, специальный анализ показывает, что у учащихся, систематически употребляющих алкоголь, складывается целый комплекс защитных реакций, когда употребление алкоголя не оценивается как наносящее вред здоровью, а алкоголики признаются «нормальными людьми».

2) Анализ мотивации отказа от употребления алкоголя позволяет выделить два типа блокировок. Один связан с внешней мотивацией: запреты, негативные примеры. Показательно, что подобный тип мотивации более распространен в младших возрастных группах и среди школьников, принадлежащих к низким социальным стратам. Другой тип мотивировок, блокирующих употребление алкоголя, связан с негативными физиологическими и эмоциональными состояниями, возникающими в результате употребления алкоголя. Подобная ориентация характерна для старших возрастных групп и более распространена среди учащихся, принадлежащих к семьям из более высоких социальных страт.

3) Полученные результаты показывают, что в современной социальной ситуации отсутствуют эффективные механизмы, блокирующие употребление подростками алкоголя. Так, практически не действуют законодательные нормы, запрещающие продажу алкогольных напитков подросткам. Родители не только не контролируют расход выделяемых ими подростку денег, но и не проявляют активно своей личностной позиции относительно употребления алкоголя, оставляя подростка в ситуации ценностно-нормативной неопределенности. Более того, с возрастом родители становятся все более терпимыми к употреблению их детьми алкоголя, что ведет к тому, что на рубеже 9 класса значительное число школьников открыто для родителей употребляют алкоголь. Ситуация становится легализованной. В самой же среде сверстников отношение к употреблению алкоголя с возрастом становится все более лояльным. Подобный тип поведения принимается как норма, а отношение к алкоголикам становится все более толерантным. Но не только родители и сверстники, но и сами учителя склонны занимать терпимую позицию по отношению к употреблению алкоголя старшеклассниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. «Дети до...» становятся все младше // Первое сентября. 2003. №73 (1240).
2. Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Подростковая девиация: ценностные ориентации и жизненное самоопределение. // Труды по социологии образования — М.: Центр социологии образования РАО, 2004. Т. IX. Вып. XV.
3. Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Подросток: отклоняющееся поведение и возрастной кризис // Начальная школа плюс до и после. 2004. №3. С. 20—25.
4. Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Проявление отдельных видов девиации в подростковой субкультуре: возрастная динамика и гендерная специфика // Вопросы психологии. 2004. №3. С. 3—18.
5. Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Подросток: нормы, риски, девиации. Труды по социологии образования. Т. X. Вып. XVII — М.: Центр социологии образования РАО, 2005.
6. Собкин В.С., Кузнецова Н.И. Российский подросток 90-х: Движение в зону риска. Аналитический доклад. — М.: ЮНЕСКО, 1998.
7. Собкин В.С., Писарский П.С. Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе. — М.: Мин-во образования РФ, 1992.
8. Собкин В.С., Писарский П.С. Жизненные ценности и отношение к образованию: кросскультурный анализ Москва-Амстердам. По материалам социологического опроса учителей, учащихся и родителей. — М.: Центр социологии образования РАО, 1994.
9. Smoking, drinking and drug taking in the European Region. WHO Regional Office for Europe. — Copenhagen, Denmark, 1997.